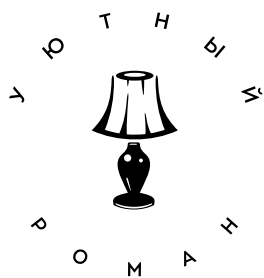

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Орешек
для трёх
золушек

МОСКВА

СОБЕРИТЕ

Уютную
коллекцию

Книжная девочка

Туман над Фудзи

Орешек для трёх золушек

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Орешек
для трёх
золушек

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Редактор серии *П. Корицкая*
Оформление серии *Е. Куликовой*

Миронина, Наталия.

М64 Орешек для трёх Золушек : роман / Наталия Миронина. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210996-6

Чтобы помогать дочери воспитывать детей, Ольга Лопихина отказалась от любви к итальянцу, который звал её замуж. Малышки подросли – и Ольга, ещё такая молодая, красивая, оказалась ненужной...

Встретившись с подругами, одной из которых двадцать лет изменял муж, а другую гнал в бесконечные путешествия страх одиночества, Ольга решает круто изменить жизнь.

Бросив всё, три подруги поселяются в дальнем Подмосковье. Тишина, природа, покой... Но проблемы молодого бизнесмена, сдавшего им жильё, снова переворачивают всё с ног на голову...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Миронина, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-210996-6

*Кто из нас не пытался сбежать от себя?
Все, без исключения, мы это делали,
и не один раз, но возвращались к себе,
только другим, измененным. И зачастую
не могли понять, что же было главным —
перемены, которых так хотелось,
или сама решимость совершить этот поступок?*

Глава 1

Ольга Евгеньевна выбрала бледно-сиреневое платье. Нежная ткань, еле заметный мелкий рисунок, расклешенная юбка и узкий верх — все это подчеркивало ее тонкую фигуру, придавая мягкость силуэту. «К нему подойдут аметисты, — размышляла она, перебирая украшения в большой шкатулке, — длинные серьги и несколько ниток бус». Найдя все требуемое, Ольга Евгеньевна уселась перед зеркалом и стала внимательно себя разглядывать. В этом занятии было что-то от медитации — поставив локти на полированный столик трюмо, она скользила взглядом по собственному отражению и отмечала все, что в суете будней от нее ускользало. Вот, например, волосы. От природы пепельные, они сейчас стали чуть светлее, но это была не седина, а просто дымка. Словно волосы выгорели на солнце. Ее кожа, тонкая, идеальная, без пятнышка, без красноты, без веснушек, оставалась такой уже много лет, только вот сегодня Ольга Евгеньевна обнаружила вдруг морщинки вокруг губ, под подбород-

ком и — о ужас! — на лбу. На прекрасном высоком лбу, который всегда был белее и ровнее снега. «Эти морщинки появились давно, я просто их не замечала!» — подумала она. Тот факт, что все приметы времени появились не сию минуту, а много месяцев назад, ее успокоил. К давно случившемуся положено относиться со смирением.

Больше всего Ольге Евгеньевне нравились ее глаза — в темных, но не черных ресницах большие серые глаза походили на драгоценные камни. И это было вовсе не преувеличение — ее глаза были не только большими, но и блестящими, глубокими, мерцающими в тени пушистых ресниц. «Да, глаза — это мое богатство!» — подумала Ольга Евгеньевна и почувствовала, как на смену ежедневной покорности и «примятости» приходит радостное возбуждение...

— Мама, ты все у зеркала сидишь?! — За дверью раздался резкий голос, потом шум — дверь, против обыкновения, открыли без стука. И сразу в комнату ворвалось раздражение.

— Нет, Леночка, я уже не сижу, — спохватилась Ольга Евгеньевна, — я собираюсь!

— Нет, ты можешь еще посидеть, я тебя не трогаю. Я вообще не возражаю, ты можешь сегодня хоть целый день провести в своей комнате! — Дочь Елена, открыв нараспашку дверь, тут же повернулась и ушла куда-то в глубь квартиры. Оттуда доносилось ее раздраженное бормотание.

— Лена, я уже готова идти гулять с девочками! Не переживай, поезжай по своим делам! — Ольга Евгеньевна вскочила с пуфика, на котором сидела перед зеркалом, и бросилась в детскую. Там ее ждали близнецы Саша и Маша. Обе обожали бабушку за то, что, в отличие от матери, она никогда не кричала, не ворчала и умела петь песни на незнакомом красивом языке.

— Синьорины! Готовы ли вы предпринять путешествие в волшебные сады? — послышался голос Ольги Евгеньевны из детской. Ответом ей были восторженные возгласы внучек и раздраженные замечания дочери и зятя.

— Господи, не дай бог, девочки в школе будут потом так разговаривать! — проворчала с осуждением Лена.

Ольга Евгеньевна, подхватив внучек, весело попрощалась с дочерью:

— Леночка, мы ушли! Не волнуйся, занимайся своими делами!

На улице было тепло и солнечно. Ольга Евгеньевна почувствовала себя так легко, словно за дверями дома осталось все, что сковывало ее душу. «Господи, до чего я глупа и неблагодарна! — подумала она про себя. — У меня умная дочь, хороший зять и любимые внуки! У меня вообще замечательная жизнь...»

— Синьора, о чем вы задумались? — дернула ее за руку Маша, оторвав от размышлений

— Вам нельзя быть такой! Вы же волшебница! — подхватила Саша.

Ольга Евгеньевна улыбнулась и повела внучек есть сырники. Была у них такая тайная традиция — угощаться горячими сырниками в маленьком кафе на углу переулка.

Ольга Евгеньевна Вяземская между тем была женщиной молодой. Ей исполнилось всего пятьдесят четыре года. История ее жизни была проста — замужество, рождение дочери, ранняя смерть мужа. Овдовев, Ольга Евгеньевна почти не поменяла распорядок жизни. Все так же воспитывала дочь, все так же зарабатывала деньги. Когда ей сочувственно кивали — мол, без мужа, все на ее плечах, — она помалкивала. О покойниках плохо не говорят, но до смерти мужа и так все было на ее плечах. И, кстати, сам супруг тоже. Дочь Елена выросла очень правильной, ни малейшего отклонения от заданных целей: школа, институт, замужество. Она и мужа выбрала под стать себе — правильного, «четкого». Ольга Евгеньевна обрадовалась, поняв, что дочь нашла свое счастье. Обрадовалась и вздохнула с некоторым облегчением. В этот момент в ее жизни происходили некие перемены, которые приятно будоражили кровь. Ольга Евгеньевна, выполняя перевод одного из сборников по вопросам международной политики, познакомилась с весьма импозантным господином, депутатом итальянского парламента. Покоренный стройным станом, серыми глазами и белоснежным лицом, он стал ухаживать за

ней, совершенно позабыв о своей жгучей, полненькой жене, оставленной на родине.

— Я не могу с вами встречаться! — сказала ему застенчиво Ольга Евгеньевна, потупив глаза. — Вы женаты. Вы — католик, вы не можете развестись.

— Могу. Я — депутат и богатый человек, — прямолинейно отвечал итальянец. — Выходите за меня замуж.

— Пока еще вы женаты, — улыбалась Ольга Евгеньевна. Она, с одной стороны, пугалась южного напора, с другой стороны — влюбилась, с третьей — боялась, что скажет дочь. Лена была очень правильной и очень суровой.

Итальянец задумался, отступил, потом как бы случайно познакомил Ольгу Евгеньевну со своим родным братом.

— Где ты нашел эту роскошную северную кошку?! — Тот был покорен Ольгой Евгеньевной, ее вкрадчивыми повадками, пепельными волосами, серыми глазами.

— Я еду просить развод, — почувствовав поддержку семьи, принял решение депутат. Он умчался в Италию, наказав Ольге Евгеньевне ждать. Времени для устройства всех дел требовалось немало.

В Италию Ольга Евгеньевна позвонила через несколько месяцев. Она почти плакала, просила прощения, умоляла оставить все как есть.

— Я не смогу уехать из Москвы и оставить дочь. У нее будет двойня. Мы так ждали этого, так ждали! Но роды будут тяжелыми. Я нужна здесь.

Как ни уговаривал ее итальянский депутат подумать о будущем, обещая всех перевезти в Италию, нанять сиделок и нянь, как ни умолял, Ольга Евгеньевна оказалась непреклонна.

— Я люблю тебя. Но ты такая русская, такая упрямая! — сетовал депутат горестно. Они еще немного повстречались, попереписывались, а потом пришло время выхаживать внучек, и Ольга Евгеньевна позабыла обо всем на свете. Так пролетело пять лет. За это время она ни разу не посмотрела ни на одного мужчину, те иногда бросали взоры на изящную даму, но внучки, повисшие на ее руках, явно были грузом, который потянут не все. Ольга Евгеньевна всегда была «в форме»: с прической, хорошо одета — никаких случайных кроссовок, стоптанных туфель или старых курток. Губы покрашены нежным перламутром — она осталась верна любимой помаде, хотя визажисты и утверждали, что перламутр — помада молодых. Ольга Евгеньевна за собой следила, но в этом не было готовности к романам, к встречам, к неожиданному счастью. Эта мобилизация женских сил объяснялась, скорее всего, дисциплиной.

Вот и сейчас в кафе она сидела в кремовой блузке, в строгих брюках, словно не бабушка малолетних внучек, а дама, зашедшая выпить в спокойном одиночестве привычную чашку кофе.

— Ба, а куда ты сегодня идешь? Мама сказала, что ты уходишь гулять, — спросила внезапно Маша, размазывая малину по теплему сырнику.

— Я иду встречаться с подругами.

— А у тебя есть подруги? — удивилась вторая девочка. — Мы их никогда не видели

— Есть. Только мы не очень часто встречаемся.

— Почему?

— Ну, — ответила Ольга Евгеньевна, — у взрослых столько дел, что времени иногда не хватает.

Она хотела добавить что-то еще, но раздумала — сидящие перед ней пятилетние кокетки еще ничего не знали о трудностях зрелого возраста.

Уезжала она в шесть часов. Девочки под присмотром матери писали буквы. Лена строго следила, чтобы обстановка в детской была как на уроке.

— Пока все не сделаете, играть не разрешу.

Ольга Евгеньевна, нарядная, в тонком платье, с маленьким жакетиком в руках и сумочкой, вошла попрощаться.

— Бабушка! Ты такая красивая! — закричали внучки и вскочили со своих мест, забыв наказ матери.

— Ты — как та самая герцогиня из замка! Которая на лошади проскакала всю ночь! — Маша трогала тонкое платье и шумно вдыхала аромат духов.

— Мама, мы занимаемся, — ледяным голосом напомнила дочь.

— Да, девочки, да, возвращайтесь за свои столики. — Ольга Евгеньевна поцеловала внучек и, обращаясь к дочери, спросила: — Как я выгляжу?

— Нормально, — пожала плечами та, — только волосы давно надо отрезать. Нелепый старческий кукиш на макушке.

— Ну, отрежу, отрежу, — поторопилась сказать Ольга Евгеньевна, она очень боялась, что дочери все-таки удастся испортить ей настроение.

— Ты только говоришь, — безжалостно продолжила та, — и ничего не делаешь, чтобы молодо выглядеть.

— Дочка, мне всего пятьдесят. С небольшим, — напомнила мать.

— И что? Зрелый возраст, который еще вполне можно замаскировать, — парировала дочь.

Ольга Евгеньевна вышла из детской. Оказавшись на улице, она улыбнулась, постаравшись забыть о резкости дочери. «У меня все отлично!» — сказала Ольга Евгеньевна сама себе. И действительно, на ней было красивое платье, ее ждал отличный вечер, и ей было чем похвастаться перед старинными подругами — у нее первой появились внуки. Более того, это были внучки, красивые девочки, кокетливые и смышленные не по годам.

Подруги встречались редко — раз в несколько лет. Они переписывались, созванивались, были в курсе дел друг друга и при необходимости приходили друг другу на помощь. Но вот встречи, обстоятельные, долгие, с разговорами за полночь, — такое случалось нечасто,

а потому было для них событием, занимающим особое место в душе. Они не были одноклассниками, не были институтскими подругами, не работали вместе. Жизнь их столкнула в непростой для каждой момент, и каждая повела себя порядочно и преданно, а потому сохранились эти чувства — чувства благодарности, доверия и откровенности. Оказалось, что для крепкой женской дружбы этого достаточно. И теперь, как бы и когда бы подруги ни встретились, они понимали другу друга с полуслова, лишнего не спрашивали, но, если была нужда, выслушивали внимательно и помогали по-настоящему.

На этот раз, невзирая на все контрдоводы: «да что мы стеснять тебя будем» и «мы твоей семье все выходные испортим!» — Лопахина затащила подруг к себе.

— Девочки, решено, собираемся у меня! Даже не хочу ничего слушать, в пять часов жду. Я даже вас встретить могу. Одним словом, ждите от меня известий.

Лопахина лукавила — она приготовила подругам сюрприз, но раскрывать его было еще рано. Подруги не устояли под напором и согласились.

А два дня назад Зинаида Алексеевна заехала в знакомый ресторан, чтобы сделать заказ. Времени для приготовления ужина у нее было немного — на работе ожидался аврал, а потому всевозможные закуски, горячее и десерт ей пообещали привезти.

Красавец Хасан, администратор заведения, где Лопахина заказала ужин, был легендой. В своем формен-

ном костюме он напоминал то ли офицера фельдъегерской службы, то ли известного циркового артиста. Тонкое восточное лицо, осанка, блеск миндалевидных глаз и изысканные манеры производили на людей неизгладимое впечатление. А еще он работал так, что каждому гостю ресторана казалось, будто все эти священнодействия только ради него одного. Хасан был нарасхват — его приглашали работать на юбилеях, корпоративных торжествах, свадьбах и днях рождения.

— Хасан, ко мне приедут подруги — нужен ужин. Мы не виделись черт знает сколько времени. Придумай что-нибудь такое, необычное.

— Придумаем, — кивнул головой Хасан и придвинул к себе свой разбухший ежедневник. — Восточные мотивы?

Лопахина задумалась. Восточный ужин был бы неплох — Ольга вечно ела что-то безвкусное, деликатное, Софья в своих заграницах наверняка все больше итальянскую кухню осваивала.

— Хасан, но что? Шашлык? Овощи на гриле? Лепешки? Хасан, это уже все было, не удивишь.

— Зачем шашлык?! Хотя, я думаю, что ничего лучше человечество еще не придумало. Нет, мы подадим помидоры с кинзой и гранатовыми зернами. Потом почки.

— Почки? Не все их любят...

— Не ели наших, поэтому не любят, — невозмутимо ответил Хасан.

— Хорошо, но на всякий случай еще что-нибудь...

— Конечно. Бараньи отбивные с виноградным соусом.

— А я таких у вас не видела.

— Недавно стали готовить. Так вот, отбивные, свежие овощи, зелень.

— Лепешки...

— Нет, к таким блюдам нужен хлеб. Обычный. А вот к десерту — лепешки.

— Как скажешь. А закуски?

— Немного. Так, для аппетита — вяленое мясо, сало с черемшой, бастурма.

— А это разве не вяленое мясо?

— Бастурма — это бастурма...

— Десерт?

— Чай с травами. Лепешки свежие, варенье из лепестков роз и грецких орехов. Ну, и пахлава верченая.

— Господи, Хасан, это что?

— Это кольца из слоеного теста с орехами и медом.

— Наверное, вкусно.

— Очень. Во сколько все привозить?

— К четырем. В пять у меня уже будут люди. Не хочу, чтобы остыло. Да и ждать не хочется.

— Еда будет в специальной упаковке. Не остынет. Вам помогут все разложить, расставить и уедут.

— Спасибо, дорогой Хасан!

Лопахина попрощалась с администратором, поднялась и прошествовала к выходу. По пути ей попалось огромное зеркало, и, глянув в него, она рефлексивно

выпрямила плечи и втянула живот. Собственное отражение ответило на эти усилия появлением двух дополнительных подбородков. «Тьфу, черт! — в сердцах про себя чертыхнулась Зинаида Алексеевна. — Пора бы уже привыкнуть, что мой живот втянуть невозможно, как невозможно исправить и широкие бедра!» Садясь в машину, она краем глаза оглядела ноги. Ноги ее оставались еще вполне молодыми, полными, но без «подушек» на коленках.

Зинаида Алексеевна Лопахина была интересной крупной дамой сорока восьми лет. При встрече с ней взгляд в первую очередь отмечал гриву медных волос. Медь была своя, родная, чуть разбавленная сединой. Лопахина ее не закрашивала. Ей нравились эти поблескивающие в локонах ниточки, намекающие на жизненный опыт. Из всех дамских ухищрений она использовала только косметику. Использовала щедро — широкие подведенные брови, интенсивная бирюза на веках, румяна и помада все той же меди. Эта яркость ее не портила, не делала пошлой, не старила. Она просто довершала образ — образ крупной и сильной женщины, которая вела себя так же, как и выглядела: ярко, уверенно, иногда даже агрессивно-радостно. Когда однажды кого-то из близких Лопахиной спросили о ней, он задумался на секунду, а потом ответил: «Она из тех женщин, которые любят есть сладкий крем большой ложкой. Прямо из кастрюли!» Да, это действительно было о ней, наслаждавшейся жизнью всюю. Но мно-

гие черты ее характера «образовались» вынужденно — Лопахина так долго сражалась за успех и достаток, что это неизбежно сказалось на ее поведении.

Зинаида Алексеевна была кондитером. И не просто кондитером, а самым главным человеком, отвечавшим за изготовление тортов и десертов. Работала Лопахина в крупной частной компании, пользовалась доверием администрации и, несмотря на руководящий пост, до сих пор частенько стояла у печей, выпекавших бисквит, сама готовила крем, сама украшала изделия. Делала она все мастерски. Впрочем, Лопахина могла бы профессионально изготавливать и самолетные крылья, да ее, когда-то единственную девушку, выпускницу факультета самолетостроения, никто об этом сейчас не просил. И десять лет назад тоже намекнули, что необходимости такой нет. Лопахиной надо было кормить семью, и она, уволившись из закрытого конструкторского бюро, пошла работать поваром в одну состоятельную семью. Лучше всего у нее получались торты и пироги. Подкопив денег, заняв недостающую сумму, она открыла свой кондитерский цех, который вполне успешно вписался в столичный рынок. И дела бы шли хорошо, но тут сначала грянул очередной кризис, а потом Лопахину подмяли конкуренты. Впрочем, конкуренты были умны, а Лопахина практична и сообразительна. После того как ее предприятие поглотил крупный концерн, она не разобиделась, не хлопнула дверью, не пошла гордо «начинать с нуля». Нет, она сумела договориться с обидчи-